

«“Я башню безумную зижду...” :
Петербург Вяч. Иванова».

*Была такая башня из слоновой кости на Таврической
улице, в ней жил Вячеслав Иванов.*

*В той башне говорили о стихах и ели яичницу.
(Виктор Шкловский)*

С небес н землю – по мр морной лестнице, под присмотром взир ющих с перил чугунных гнцев.

От дом н Т врической – через с д потёмкинского дворц , стоящего со «времён Очаковских и покоренья Крыма» и сохр няющего в имени своём п мять о древнегреческой Т вриде, – через Кирочную и П нтелеймоновскую – к ред кции «Аполлон » н н бережной реки Мойки, где Вячесл в Ив нов р спростр нял свою «б шенную» культуру и вёл Поэтическую Ак демия. Сообщество «столь необходимое», к к пишет хроникёр «Золотого рун », «в наши дни, когда так много пишется стихов и так мало культивируется поэзия» (журнал «Золотое руно», 1909, № 6, с. 77): чит ешь в н - стоящем времени, н обложке журн л – д тировк минувшего век .

Четыре версты – от Т врической до Мойки. До С дово-Кудринской – сотни: «Золотое руно» н ходилось в Москве (см. вкл дыш «К сведению Гг. подписчиков» в любом из выпусков), что, одн ко, не меш ло сотрудник м ред кции восприним ть Ив нов к к «первого по образованности поэта современности» (журнал «Золотое руно», 1909, № 6, с. 77), к к человек своего круг . Или себя – ч стью петербургской Б шни; той, к к презрительно пис л Дмитрий Мережковский, «жалкой кучки отверженных, осмеянных и, действительно, часто смешных романтиков», в которых билось «сердце века» («Б л г н и тр гедия»).

По московским мерк м, четыре версты – к к от дом В лерия Брюсов , что н Цветном бульв ре, 22, до кв ртиры Андрея Белого н Арб те, 55. Кога Брюсов шёл в гости к Белому (н пример, н первую литер турную вечеринку друг , в преле 1903 год : её упомин ет А. В. Л вров, описыв я хронологическую к нву жизни и творчеств поэт в моногр фии «Андрей Белый в 1900-е годы»), быстрее всего ему было идти через Бульв рное кольцо. Москв движется околиц ми, петляет в мыслях. Тогд к к Ив нову от Т врической до Мойки – почти что н прямик, не счит я троп с д и изгибов реки.

Нходясь в Петербурге, с к кой-то особенной, пронзительной остро-
той н чин ешь чувствов ть, что философия поэзии рожд ется н ули-
ц х. «...символизм не хотел и не мог быть "только искусством"»,
– пис л Ив нов («З веты символизм »); но символизм с м по себе з -
рожд лся не только внутри, но и вне искусств .

«Белый день, прозрачно белый» у коренного москвич Брюсов , – «зо-
лотой, как кружева» («Знойный день»), – не мог родиться в городе, где,
к к шутиливо подметил Одоевский, «однажды <...> было солнце» («Ск зк о
том, к к оп сно девушк м ходить толпою по Невскому проспекту»).

Петербург Ив нов – «город-морок», «город мглы» («Н Б шне»).
Здесь – «сумеречно-светлый час», «жемчужный час» белой ночи. Здесь
– «душа сумерек» (см. одноимённое стихотворение). И живут тут – не
просто «дети солнца», к к у Белого (стихотворение «Золотое руно»),
«дети-отступники» («Н Б шне»).

Предвечный солнц сотворил, и пл неты.

Ты – средь нгелов-солнц! Мы – средь темных пл нет...

Первозд нным светом вы, к к схимой, одеты:

В м не светят светы, – в м солнц нет! («Хв л Солнцу»).

Вместо солнц н Б шне – символ: жёлто-зелёные, бирюзовые, лиловые
переливы перьев п влин , веером р спустившего хвост в витр же п р д-
ного з л н д мр морской лестницей. Проник я сквозь стекло перл му-
тровых орн ментов и огненных цветков, холодный свет мистическим обр-
зом ст новится тёплым: если это и не «просвет в вечность» (к к пис л
С. М. Городецкий в м нифесте «Некоторые течения в современной рус-
ской поэзии»), то уж точно – в другое измерение, в простр нство «н -
мёков», которые Ив нов счит л единственно возможными средств ми
приближения к истине («Поэт и чернь»). П влин – «реальность сокро-
венная» («Две стихи в современном символизме»).

Никол й Гумилёв, посещ вший ив новские лекции в Ак демии, н пишет
спустя несколько лет, что «акмеистом труднее быть, чем символистом, как
труднее построить собор, чем башню», и что поэту н должно «всегда идти
по линии наибольшего сопротивления» («Н следие символизм и кме-
изм»). Одного не ск з л Гумилёв: с м Петербург – сопротивление беспощ д-
ному северному ветру. А поэзия Ив нов – сопротивление Петербургу.

Скорбь н шл и смут н Мэн ду;

Сердце в ней тоской з холонуло.

<...>

Бурно ринул сь Мэн д ,

Словно л нь,
Словно л нь... («Мэн д »).

Из Х ос , из черного,
Рожд ется Звезд ...
Из Нет, из непокорного,
Восст вь святое Д ! («Огненосцы»).

«Гл си н роду, стролог,
И кинь свой клич с высокой б шни:
Н сел сирые, н ч хнущие п шни
Доколь небесный гнев н лег?» («Астролог»).

Отождествление поэтом с мого себя с « стрологом» предст влялось современник м н столько эп т жным, что момент льно з крепилось з Ив новым. Тем интереснее, что М ксимили н Волошин, публикуя ск нд льнейший «Гороскоп Черубины де Г бри кк» во втором выпуске «Аполлон » (ноябрь 1909 год), примерил н себя тот же обр з провидц и открыв теля новых литер турных имён: «*Нам, как Астрологу, состоящему при храме, поручено составить гороскоп Черубины де Габриак*». Н с мом деле, з этой мет форой кроется язвительн я н смешк , болезненный упрёк со стороны Волошин . И – борьб двух « стрологов». Ведь двумя год ми р нее Ив нов пыт лся устроить «тройственный бр кк»: со своей женой Лидией Зиновьевой-Анниб л... и волошинской женой – М рг ритой С б шниковой, о чём свидетельствуют письм , ей дресов нные. Вскоре Лидия умерл , интерес Ив нов к М рг рите проп л, и к к р з к осени 1909 год он д л ей оконч тельно понять, что воссоединяться не н мерен (об этом ёмко пишет Ольг Шор в примеч ниях к ив новским «Дневник м» 1908–1909 гг.). В 1910 году Волошин, уже вне подтекстовой полемики, откровенно н пишет Ив нову: «...не судить тебя не могу» (что т кже упомянуто Ольгой Шор).

Когд Ив нов пис л «Астролог » (1905), дом, в котором он прожив л, в действительности был с мым высоким сооружением – «*высокой башней*» – н пересечении Т врической и Тверской улиц. Но уже спустя несколько лет по соседству появились доходные дом , стоящие и поныне: пятиэт жный Г. Г. Г ндм н с причудливыми щипц ми н д эркер ми, шестиэт жный А. С. Обольянинов с не свойственным модерну скетизмом. Они были возведены н месте особняков, высот которых не превыш л двухэт жей. Пр вд , и н их фоне Б шня, – во многом бл год ря выступ ющему, несор змерно крупному куполу, – по-прежнему к жется недосяг емой. Усилив ет это ощущение вязк я тишин пустынной Т врической улицы, словно бы приж той к излучине реки Невы.

Именно в той тишине, сквозь десятилетия, доносится меланхолический голос Блок, в предрассветной мгле – «над пылью переулочной» – знкомившего своих приятелей с той инстинктивной «Незнкомкой» и крыше ивновской Башни. Он является как призрак, и слышен «шелест её шелков» (Блок, «О современном состоянии русского символизма»).

«Очарованная даль» и «дальний берег» («Незнкомка») привлекли отнюдь не только Блок. Далекий «ключ поручен» был, пожалуй, не одному ему. «Язык свой я назову языком иллюстраций», – сказал он однажды (Блок, «О современном состоянии русского символизма»). А слово – не повлияло: вылетит – не рзберёшь, сколь сильно сознание поэта влияние петербургского «зодчего» (см. одноимённое стихотворение Вяч. Ивнов). В тот же год, – 1906 год, – Ивнов устроил посвящённые Гифизу встречи, овеянные персидскими «древними поверьями» («Незнкомка»), и вечер не пролетел без шуток о «грозных тенях ночей», которые «понимать в состоянии» не был никто «на покойной земле»: в ту пору Гифиз был знаком русскому читателю в переводе Фета.

Тот лишь один в с поймет,
Кто под дыханием бурь
В неизмеримом плывет
От берегов рстояньи. (Фет, «Грозные тени ночей...»).

Похоже, что фетовское «неизмеримое расстояние» со временем сократилось до «неизмеримого»: символист «в неизмеримом плывёт» – и чувствует «несказанное» (как писал Гиппиус в мемуарах «Мой лунный друг», «любимое слово Блока»). Ивнов говорил, что «среди темной “неизмеримости” открывается в поэте двойное зрение» («Заметки о символизме»).

Ивновское «Солнце» – Гифизов «газела». Восточный мечтатель в «сумеречно-вещей прохладе» Петербург. Оно «пьянительно кипит у берега», и не сразу поймёшь: «чье-то солнце», врученное Блоку в «ресторане» («Незнкомка»), – всё же чье? Гифиз – или Ивнов?

Пленительные «дальние берега» не дали покоя Ивнову. Вслед за Блоком он написал «Издлейд леких», и в круговороте ивновских символов и этот рзможно услышать отголоски блоковской поэзии: «свирельная нота» – «неотступно одна» («Издлейд леких»), потому что, очевидно, «всегда без спутников» («Незнкомка»); в сердце – не «ключ» («Незнкомка»), целая связка «бессонных ключей» («Издлейд леких»). И только «берег смытых дней, плач забытых теней» («Издлейд леких») звучит, как эхо Фета («Грозные тени ночей...»), хотя Ивнов не успевал повторять, что его духовным ориентиром является

Тютчев, м стер «тайновидения» и «величайший в нашей литературе представитель реалистического символизма» («Две стихии в современном символизме»): слов о том, что «мысль изреченная есть ложь» (Тютчев, «Silentium!»), встреч ются в ст тье «Поэт и чернь», и они же открыв ют ив новский м нифест «З веты символизм ».

Ключи – святой Гр ль эпохи.

О «Ключ х т йн» р ссужд л Брюсов, н зыв я т к стихотворения: «*мистические ключи, растворяющие человечеству двери*» из фетовской «голубой тюрьмы» («П мяти Н. Я. Д нилевского»).

О «Ключ х М рии» – им жинист Сергей Есенин, уточнявший, что «*Мария на языке хлыстов шелапутского толка означает душу*».

К ждый р звив л свою философию ключ , но, в сущности, говорил об одном и том же: «*В моей душе лежит сокровище, / И ключ поручен только мне!*» (Блок, «Незн комк »).

Ч ры Восток подействов ли и н Никол я Бердяев , з ядлого посетителя «кабачка Гафиза» (Кузмин, «Нежной гирляндой н дпись гл сит у к рниз »). Мих ил Кузмин, неприметно з печ тлённный н большинстве б шенных фотогр фий, с нежной любовью н зыв л эти вечер «*тайномудрым бездельем*» (т м же). Бердяев, «*мудрых демонов начальник*» (Вяч. Ив нов, «Встреч Гостей»), воссед л н полу в обр зе Соломон . Философ пис л в ст тье «*Мет физик пол и любви*», что «*духовно-плотская полярность*», ск з вш яся в столь излюбленном символист - ми «*учении о вечной женственности*» и служ щ я основой «*символики Апокалипсиса*», был впервые почувствов н к кр з Соломоном.

Восточные костюмы созд в л Конст нтин Сомов: «*заклинательной волей художника*» (Блок, «О современном состоянии русского символизм ») Петербург превр щ лся в «*Петробагдад*» (Вяч. Ив нов, «“Друзьям Г физ ”. Вечеря втор я, 8 м я 1906 год в Петроб гд де»). В музее Анны Ахм товой в Фонт нном Доме сохр нился снимок, где с м художник-г - физит позирует, обл чившись в Ал ддин . В это время и з рожд ется сомовск я эстетик к рн в л , котор я пройдёт через всё его творчество: от обложки «*Лирических др м*» Блок тех лет и к ртины «*Арлекин и смерть*», где он символически изобр зил “la mort” живым скелетом, – до «*М ск р д* » 1930-х годов.

Удивительно, что Никол й Бердяев опубликов л ст тью «*Соци лизм к к религия*», в которой сформулиров л идею «*вавилонской башни*», непосредственно в 1906 году. И в безб шенности, в новизне его философских р ссуждений – тоже след Б шни ив новской, где «*декаденты*», к к н зыв л её уч стников Бердяев, р змышляли о тум нном будущем, в котором им не было мест . Смен «б шен» – не что иное, к к

смен поколений и эпох. А «вавилонская башня» – пост новк вопрос о жизни и смерти бердяевского поколения.

...лже-религия начинается там <...>, где начинает строить социализм вавилонскую башню, где устраивается человеческая жизнь без смысла, без цели, без Бога. <...> В социал-демократии, как религии, нарождается в мире демонизм гораздо более коренной и страшный, чем демонизм «декадентский», ницшеанский, чем демонизм моды. То, что на поверхности современной культуры принято называть «демонизмом», есть кризис души <...>. Не «декаденты» будут строить вавилонскую башню, не люди трагического опыта и безысходной тоски, не Ницше и Иван Карамазов будут управлять земным царством. («Социализм как религия»).

Бердяев счит л Ив нов человеком «утонченно-культурным, даровитым, полным творческих идей»: по кр йней мере, именно т к он отзыв лся о поэте в примеч ниях к «Новому религиозному созн нию и общественности». Под творчеством Бердяев имел в виду, конечно же, и философию: Ив нов – последов тельный ницше нец. «Ницше возвратил миру Диониса: в этом было его посланничество и его пророческое безумие» (Вяч. Ив нов, «Ницше и Дионис»). Т к встречи н Б шне ст ли вечер ми служения Дионису – «светилу тёмного царства», «ночному солнцу» (Вяч. Ив нов, «Дионис и пр дионисийство», гл в IX «Дионис орфический») в городе белых ночей.

Б шня н Т врической пережил все потрясения дв дц того век , но потерял , пож луй, с мое гл вное: ощущение кипящей вокруг неё жизни. Мр чно нисп д ет зелён я сетк н куполе, покрыв я его, точно с в н.

И всё же, к к пис л Ив нов: «Я – семя, умершее в земле; но смерть семени – условие его оживления» (Вяч. Ив нов, Гершензон, «Переписка из двух углов», письмо I).

Примечание:

М рия Розов . Студентк Литер турного институт им. А. М. Горького. Член Н цион льной ссоци ции др м тургов (НАД). З ним л призовые мест в ряде литер турных конкурсов: л уре т («Слово и действие – 2020», «Конкурс коротких пьес – 2022»), фин лист («Н цион льн я молодёжн я Литпремия Роскультцентр – 2020» при поддержке «Эксмо», «Конкурс коротких пьес – 2023»). Постоянный уч стник н ученых конференций по языкозн нию и литер туроведению. Ассистент режиссёр документ льных фильмов для федер льного телек н л «Россия-Культур » (ВГТРК), в том числе – четырёхсерийного проект «Б шня» (н момент предост вления информ ции готовится к эфиру).